

Evgeniya Glazinskaya – is a senior lecturer at the Department of literature of the Federal state budgetary educational institution of higher education «Altai state pedagogical university», ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7198-7303>, e-mail: glazinskaia_et@altspu.ru.

*Поступила в редакцию 01.11.2025
Принята к публикации 22.12.2025*

[https://doi.org/10.53360/3080-3861-2025-4\(4\)-15](https://doi.org/10.53360/3080-3861-2025-4(4)-15)
MPHTI: 17.01.33

Ж.Р. Муканова, Ж.Б. Ибраева*

Казахский Национальный педагогический университет имени Абая,
050010, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Достык, 13

*ORCID: 0000-0003-1487-5513

*e-mail: igb1006@mail.ru

МОТИВЫ ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ТРАГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА: ТЕОРЕТИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена теоретико-литературному анализу мотивов памяти и забвения как ключевых категорий, определяющих формирование трагического дискурса в литературе XX века. Исследование опирается на концептуальные положения М. Бахтина о культурной памяти и её структурирующей функции, а также на отдельные идеи П. Рикёра, М. Бланшо и П. Нора, позволяющие уточнить механизмы художественной репрезентации прошлого. Память рассматривается как поэтический принцип организации повествования, задающий хронологические связи, композиционную целостность и мотивную структуру текста. Забвение, в свою очередь, трактуется как эстетически мотивированная стратегия, вызывающая разрывы, смещения и семантические лакуны, которые формируют трагическую доминанту произведения.

Практическая часть анализа опирается на сопоставление романов К. Исигуро «Художник зыбкого мира» и А. Нурпеисова «Последний долг», демонстрирующих различные модели художественного освоения прошлого. У Исигуро память репрезентирована через фрагментарность и вариативность повествования, тогда как у Нурпеисова она формирует устойчивый мотивный каркас, удерживающий целостность утраченного мира. В обоих текстах взаимодействие памяти и забвения задаёт внутреннюю напряжённость повествовательной ткани и выступает основным механизмом формирования трагического.

Предпринятое исследование носит обзорный характер и систематизирует теоретические подходы к изучению данных мотивов, формируя методологическую основу для дальнейших работ по поэтике трагического в литературе XX века.

Ключевые слова: мотив памяти, мотив забвения, трагический дискурс, проза XX века, компаративистика.

Введение

Проблема памяти и забвения как литературоведческих категорий была чётко обозначена М.М. Бахтиным [1], который рассматривал «большую память» культуры и «нарочитое забвение» как фундаментальные механизмы организации литературного процесса. В его работах память понимается как структурный принцип сохранения традиции, формирования жанра, конструирования образного мира и диалогического отношения текста к культурному наследию. Забвение, в свою очередь, предстает не утратой как таковой, а осознанной стратегией обновления художественной формы, позволяющей литературе переосмысливать прежние модели и создавать новые смысловые конфигурации. Несмотря на то, что Бахтин сформулировал эту проблему ещё в 1940-е годы, её потенциал остаётся недостаточно раскрытым в современном литературоведении, особенно в аспекте мотивного анализа и структурной роли памяти и забвения в формировании трагического дискурса.

Изучение мотивов памяти и забвения в литературе связано прежде всего с анализом того, как художественный текст конструирует прошлое, удерживает или утрачивает опыт, и каким

образом это влияет на трагическое мировидение. Среди наиболее значимых исследователей XX века можно выделить следующих ученых.

П. Рикёр [2] показал, что память в литературе функционирует как способ построения повествования: она формирует логику ретроспекций, разрывов, нестыковок и тем самым задаёт трагическую напряжённость текста. Его *principal discovery* – забвение как структурный элемент памяти, обеспечивающий сюжетную неполноту и этическую проблематизацию.

М. Бланшо [3] обозначил литературу как пространство «опыта утраты», где воспоминание не хранит факт, а фиксирует его отсутствие. Его вклад – понимание того, что фрагментарность и незавершённость повествования являются следствием работы памяти, а не только стилистическим приёмом.

К. Карут [4] предложила интерпретировать память как повторяющееся возвращение травмы, что позволило исследователям объяснить появление в прозе XX века цикличности, повторов, алогичных переходов, связанных с невозможностью осмыслить пережитое.

П. Нора [5] ввёл идею «мест памяти» как символических точек фиксации прошлого. В литературе это стало основой для понимания того, как конкретные предметы, образы, топосы выполняют функцию хранилища утраченного опыта.

У. Эко [6] акцентировал внимание на интертекстуальности и памяти текста о других текстах. Его важный вклад - представление произведения как системы, в которой прошлое не только вспоминается, но и воспроизводится через цитаты, аллюзии, культурные коды.

В свою очередь, Р. Лахман [7] трактует память как структурный принцип художественного текста, определяющий интертекстуальные связи и динамику литературной традиции.

Как отмечают Л. Бонд и Дж. Рапсон [8] литературная память понимается не как простое хранение прошлого, а как динамический процесс, в котором воспоминание и забвение взаимно формируют смысловую архитектуру текста. Исследователи подчёркивают, что именно напряжённость между сохранением и утратой прошлого задаёт ключевые эмоциональные и нарративные режимы литературы, включая трагический.

В российском литературоведении С. Аверинцев [9] рассматривал культурную память как источник формирования трагического, показывая, что трагическое мышление опирается на невозможность восстановления целостности прошлого.

И. Паперно [10] показала, что автобиографическая память в литературе XX века связана с поиском самоописания, где забывание становится частью авторской стратегии реконструкции самого себя.

В трудах казахстанских исследователей Д. Қамзабекұлы [11], [12], [13] обозначено, как культурная и историческая память формирует конфликты в национальной прозе, подчёркивая, что традиционные утраты, травмы колониализма и коллективные испытания создают основу трагического дискурса.

Работы Г. Есембековой [14], Ж. Сандыбаевой [15], С. Ананьева [16] демонстрируют, что мотивы памяти в современной казахстанской литературе выступают инструментом переосмысления семейной, личной и исторической судьбы, а забвение - способом ухода от травматичного опыта.

Таким образом, ключевые открытия исследователей сводятся к тому, что память в литературе – это механизм построения сюжета, структуры и трагического напряжения, а забвение – это необходимый элемент, формирующий разрывы, провалы и смысловые пустоты, вокруг которых и строится современный литературный текст.

Актуальность работы определяется возрастающим интересом современной теории литературы к роли памяти и забвения как поэтических категорий, влияющих на построение трагического дискурса. В условиях усиления междисциплинарных подходов существенно возрастает необходимость уточнить функции данных мотивов, определить их место в структуре художественного текста и предложить модель анализа, позволяющую использовать категории памяти и забвения в сопоставительных литературоведческих исследованиях.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении понятийного аппарата литературоведения в области изучения трагического повествования. Практическая значимость состоит в применимости результатов в анализе национальной и мировой литературы XX века, а также в образовательной деятельности.

Объектом исследования являются мотивы памяти и забвения в художественных текстах XX века.

Предметом исследования выступают функции данных мотивов и их роль в формировании трагического дискурса на материале прозы А. Нурпеисова («Последний долг») и К. Исигуро («Художник зыбкого мира»).

Цель исследования - выявить литературоведческие механизмы, посредством которых мотивы памяти и забвения структурируют, организуют и порождают трагический дискурс в художественной литературе XX века.

Для достижения цели поставлены задачи:

- систематизировать основные теоретические подходы к пониманию мотивов памяти и забвения в литературе XX века, опираясь на наиболее значимые выводы современных исследователей;

- уточнить роль мотивов памяти и забвения в структуре трагического дискурса, исходя из существующих интерпретационных моделей и понятийного аппарата современной теории литературы;

- рассмотреть отдельные, наиболее показательные проявления мотивов памяти и забвения в произведениях А. Нурпеисова «Последний долг» и К. Исигуро «Художник зыбкого мира» в контексте формирования элементов трагического дискурса.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что мотивы памяти и забвения, даже в ограниченном наборе своих проявлений, обладают структурообразующим потенциалом и участвуют в формировании ключевых элементов трагического дискурса в литературе XX века. Предполагается, что выборочные формы их реализации в произведениях А. Нурпеисова «Последний долг» [17] и К. Исигуро «Художник зыбкого мира», 1986 года написания, [18] демонстрируют универсальные механизмы взаимодействия памяти и забвения, влияющие на композицию, образную систему и повествовательные стратегии, связанные с возникновением и развитием трагических смыслов.

Значение исследования состоит в уточнении литературоведческих подходов к анализу мотивов памяти и забвения и их роли в формировании трагического дискурса, что позволяет расширить понятийный аппарат теории литературы. Результаты работы могут быть использованы при дальнейшем изучении поэтики трагического, в сопоставительных исследованиях отечественной и мировой литературы, а также в преподавании дисциплин, связанных с теорией литературы.

Материалы и методы

В исследовании применяются культурно-исторический, сравнительно-типологический, мотивный, нарратологический и структурно-семиотический методы анализа, позволяющие выявить специфику функционирования мотивов памяти и забвения в формировании трагического дискурса. Предполагается, что выбор художественных стратегий напрямую связан с тем, насколько точка письма автора приближена или удалена от описываемых исторических событий. Эта дистанция определяет принципы организации хронотопа, типологию персонажей, характер нарративной инстанции, а также композиционные и жанровые решения.

Для литературы, созданной авторами-современниками ключевых катастроф и социальных переломов XX века, более характерна модель памяти как свидетельства, в которой реконструкция прошлого строится по следам непосредственно пережитого опыта. Напротив, в произведениях писателей XX-XXI веков доминирует принцип репрезентации памяти как реконструкции: как отмечает А. Ассман, «каждая актуализация воспоминания не только фиксирует прошлое, но и неизбежно преобразует его, привнося новые смысловые акценты» [19].

Таким образом, позиция автора – будь то очевидец эпохи или «свидетель свидетелей» – определяет способы художественного моделирования памяти, поскольку восприятие прошлого принципиально различается у тех, кто пережил событие лично, и у тех, кто обладает лишь опосредованным знанием о нём. Общим же для литературы XX века становится понимание памяти как совместного пространства рефлексии автора и персонажей, а также стремление к преодолению травматического опыта, что сближает художественные нарративы с исследовательской традицией *trauma studies* [20].

Результаты и обсуждение

Представленный анализ в данной статье направлен на выявление того, каким образом мотивы памяти и забвения функционируют в художественной структуре произведений, определяя их образную систему, композицию и специфику трагического дискурса. Обращение к романам К. Исигуро «Художник зыбкого мира» и А. Нурпеисова «Последний долг» позволяет рассмотреть различающиеся модели репрезентации прошлого и исчезающего мира, соотнести индивидуальные и коллективные формы памяти, а также проследить роль художественного забвения в организации повествования.

«Мотив в литературе – это не просто повторяющийся элемент, будь то образ, ситуация, слово или фраза, но и мощный инструмент, придающий произведению глубину и многослойность смысла, выходящую далеко за рамки поверхностного сюжета. Он выполняет функцию символического ключа, раскрывающего скрытые подтексты и углубляющего понимание центральных тем. По сути, мотивы – это кирпичики, из которых строится смысловая архитектура текста. Они не просто украшают повествование, а являются его неотъемлемой частью, формируя его эмоциональную и идейную канву» [16].

Если рассматривать мотивы памяти и забвения как структурообразующие элементы художественного мира, то в обоих романах память выступает не столько как воспроизведение прошлых событий, сколько как специфический формообразующий принцип, задающий характер построения художественного мира. В свою очередь, забвение функционирует как механизм, нарушающий или размывающий эти связи, придавая повествованию трагическую окраску и выявляя пределы восстановления прежней целостности.

У Исигуро память героя репрезентирована в виде фрагментарных нарративных блоков, которые не столько реконструируют прошлое, сколько демонстрируют его вариативность и подвижность в пределах художественного текста. Воспоминания Оно Мацуи формируют структуру романа через чередование эпизодов, связанных не линейностью, а мотивными переключками, что создаёт эффект повествовательной зыбкости. Цитата: «Иногда я и сам не уверен, насколько верны мои прежние суждения» [18] подчёркивает характер самой памяти как изменчивого художественного материала.

В романе Нурпеисова память имеет иной художественный статус: она представлена как устойчивый мотив, фиксирующий связь с исчезнувшим миром Аральского моря. Образы прежнего уклада - моря, рыбацкой общины, природного ритма жизни - образуют повторяющуюся мотивную структуру, которая удерживает целостность художественного пространства, несмотря на изображаемую катастрофическую утрату. Характерный пример - слова героя: «Когда море было полноводным, казалось, что и мы живём полной жизнью...» [18].

Таким образом, в обоих произведениях мотив памяти задаёт направление художественного развития текста, но реализуется по-разному: у Исигуро - через разрывность и вариативность, у Нурпеисова – через повторяемость и структурирующую устойчивость. Мотив забвения, напротив, нарушает или разрушает установленные связи, выявляя границы сохранения прежнего мира.

С точки зрения диалектики памяти и забвения в формировании трагического дискурса оба писателя выстраивают трагический дискурс через взаимодействие мотивов памяти и забвения, что образует художественную напряжённость текстов. У Исигуро память героя сталкивается со стиранием прежних художественных ориентиров. Сцена, в которой ученик Мацуи произносит: «Мы благодарны вам, мастер, но времена были другие... сейчас многое

вспоминается иначе» [18] показывает, как мотив забвения вводится в текст через обновлённый художественный контекст и смену эстетических критериев.

У Нурпеисова забвение проявляется как исчезновение материальной основы художественного мира – Аральского моря, что ведёт к размыванию прежних образных структур. В реплике старика Джумашева: «Как забыть море, которое кормила нас веками?» [17] мотив забвения оформлен как угроза утраты фундаментального образа, от которого зависит целостность повествовательного хронотопа. Здесь, у Исигуро диалог памяти и забвения задаёт подвижность и «разрывность» повествовательной ткани, тогда как у Нурпеисова он определяет трагическое векторное смещение от полноты к пустоте художественного пространства.

И у Нурпеисова и у Исигуро память определяет идентичность персонажей, но делает это по-разному. У Исигуро память Мацуи – это своего рода способ оправдания собственного прошлого. Герой пытается представить себя значимым художником и наставником, но его воспоминания неизбежно подвергаются коррекции. Например, он вспоминает о признании своих картин: «Мне казалось, что тогда я был в центре творческой жизни города» [18].

Однако дальнейшие сцены показывают, что его влияние было значительно скромнее. Возникает трагическая ситуация: память героя вступает в конфликт с новой реальностью, что создаёт внутренний драматизм - он вынужден менять своё отношение к прошлому. В «Последнем долге» идентичность персонажей определяется их отношением к прошлому и к исчезнувшему морю. Память здесь - не психологический механизм, а часть коллективного кода. Герой-повествователь говорит: «Мы несем в себе память о море, будто оно всё ещё рядом» [17].

Таким образом, память становится формой культурного сопротивления забвению и духовной смерти. Именно в сопоставлении наблюдается следующее: у Исигуро память – это индивидуальная идентичность, самооправдание, травма; у Нурпеисова – это коллективная идентичность, традиция, связь поколений. В свою очередь, они оба формируют трагический дискурс, но по-разному: через кризис личности и через кризис народа.

С точки зрения композиционных функций памяти и забвения, то в обоих романах наблюдается чередование воспоминаний и современных событий героев. У Исигуро фрагментарность воспоминаний создаёт эффект ненадёжного повествования. Герой говорит: «Возможно, я не совсем точно помню детали... но тогда всё казалось важным» [18]. Этот приём «ненадёжного рассказчика» создаёт особую трагическую интонацию: читатель понимает, что трагедия заключается не только в событиях прошлого, но и в том, что прошлое не может быть восстановлено полностью. У Нурпеисова композиция циклична: прошлое и настоящее накладываются друг на друга, создавая эффект непрерывной исторической трагедии. Описание прежнего моря чередуется с картинами пустыни и соляных полей, где когда-то бурлила жизнь: «Где плескались волны, теперь только сухой ветер, напоминая о том, что было» [17].

Если рассматривать память и забвение как носителей культурно-исторической травмы, то у английского автора культурная травма связана в большей степени с поражением Японии во Второй мировой войне и последствиями этого события. Мацуи – представитель «старого поколения», чьи ценности дискредитированы. Об этом свидетельствует диалог с дочерью: «Мы не обвиняем вас... просто то время было другим, и сейчас многое видится иначе» [18]. Это мягкое, но неизбежное «переписывание» прошлого - трагическое забвение, стирающее личные заслуги героя. У казахстанского автора травма – экологическая и социальная: исчезновение моря разрушает экономику, традиции, человеческие судьбы. Главный герой говорит: «Мы стали забывать, как пахнет море... и это забывание страшнее самой беды» [17]. Здесь уже забвение – точка крайнего трагизма: исчезновение памяти означает уничтожение целой культуры.

Основные аспекты, отражающие функции рассматриваемых мотивов, представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Функционирование мотивов памяти и забвения в художественной структуре романов «Художник зыбкого мира» и «Последний долг»

Параметр	К. Исигуро «Художник зыбкого мира»	А. Нурпеисов «Последний долг»
Функция памяти	Формирует фрагментарное построение текста; создаёт подвижный образ прошлого	Удерживает целостность художественного мира; сохраняет образ утраченного пространства
Репрезентация прошлого	Неполные, изменчивые воспоминания; разрывы в повествовании	Устойчивые мотивы прежнего уклада, повторяемость образов
Роль забвения	Размывание прежних связей и художественных ориентиров	Исчезновение природного хронотопа и связанных с ним образов
Хронотоп	Время разомкнутое, с постоянными возвращениями к прошлому	Контрастное соотнесение прошлого и настоящего
Композиция	Фрагментарность, ненадёжное повествование	Циклическая структура, мотивное повторение
Тип трагического	Несогласованность версий прошлого	Утрата природно-культурного мира
Главный герой как носитель мотива памяти	Оно Мацуи – персонаж, чья память задаёт структуру текста: его воспоминания формируют фрагменты повествования и определяют художественные разрывы. Он доживает свои дни в послевоенной разрушенной Японии под фактической оккупацией США. На протяжении всего романа герой обеспокоен переговорами о браке своей младшей дочери. Попутно он вызывает в памяти самые значительные сцены из прожитой жизни и пытается понять, где всё пошло не так, и можно ли было всё исправить.	Жадигер показан писателем далеко не идеальным героем, подавлен тяжёлой работой и постоянным стремлением выполнить непосильный план по ловле рыбы. Он и старшее поколение рыбаков – носители устойчивой памяти об Арале; их воспоминания удерживают целостность исчезающего мира.
Герой как носитель мотива забвения	Мацуи отражает стирание прежней художественной идентичности: утрата признания становится художественной метафорой забвения.	Персонажи, живущие в опустевшем пространстве Арала, воплощают вынужденное забвение: исчезновение хронотопа разрушает прежнюю образность.

Сопоставление показывает, что мотивы памяти и забвения реализуются в двух произведениях по-разному: у Исигуро они формируют фрагментарность и подвижность художественного мира, тогда как у Нурпеисова функционируют как средство сохранения утраченного хронотопа. В совокупности различия подчеркивают многовариантность трагического дискурса литературы XX века.

Заключение

Предпринятый теоретико-литературный и текстуальный анализ позволил выявить ключевые закономерности функционирования мотивов памяти и забвения в формировании трагического дискурса литературы XX века. На теоретическом уровне было установлено, что данные мотивы представляют собой устойчивые поэтические категории, задающие способы

художественной репрезентации прошлого, определяющие структуру повествования и формирующие трагическую доминанту текста.

Практическая часть исследования, выполненная на материале романов К. Исигуро «Художник зыбкого мира» и А. Нурпеисова «Последний долг», продемонстрировала, каким образом теоретически выделенные параметры памяти и забвения реализуются в конкретных художественных моделях. У Исигуро мотив памяти получает воплощение в форме разрывной повествовательной структуры, основанной на вариативности и фрагментарности воспоминаний, тогда как у Нурпеисова он формирует устойчивую мотивную сетку, сохраняющую целостность исчезающего хронотопа Аральского мира. Мотив забвения, напротив, проявляется как механизм разрушения или обеднения художественных связей, что в обоих романах определяет направление трагического развития текста. В свою очередь, необходимо отметить, что «Казахская литература отражает культурные, социальные и политические процессы трансформации своего народа и выступает мостом между прошлым и настоящим» [13].

Интеграция теоретического и текстуального анализа позволяет заключить, что мотивы памяти и забвения выполняют двойственную функцию: они не только структурируют художественную ткань произведения, но и определяют его смысловую направленность, задавая модель утраты, исчезновения и разрыва преемственности. Исследование показало, что поэтика памяти и забвения является одним из центральных механизмов формирования трагического в литературе XX века и выступает продуктивным инструментом сопоставительного литературоведческого анализа.

Отдельного упоминания заслуживает то, что настоящее исследование носит обзорный характер и реализует задачи, обозначенные в начале работы: систематизацию теоретических подходов, уточнение роли мотивов памяти и забвения в структуре трагического дискурса и рассмотрение наиболее показательных их проявлений в выбранных произведениях. В дальнейшем предполагается развить эти наблюдения, продолжив изучение поэтики памяти и забвения в творчестве К. Исигуро и А. Нурпеисова.

Литература

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – Москва: Русские словари, 1996. – 732 с.
2. Рикер П. Память, история, забвение: пер. с франц. – Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
3. Blanchot M. L'écriture du désastre. – Paris: Gallimard, 1980. – 219 p.
4. Caruth C. Unclaimed Experience. Trauma, Narrative and History. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. – 168 p.
5. Нора П. Франция – память. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 333 с.
6. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текстов / пер. С. Серебряного. – Москва: АСТ: CORPUS, 2016. – 640 с.
7. Лахман Р. Память и литература. Интертекстуальность в русской литературе XIX–XX веков / пер. с нем. А. И. Жеребина. – Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2011. – 400 с.
8. Bond L., Rapson J. Introduction: Literary Memory in the Present // The Palgrave Handbook of Literary Memory Studies. – Cham: Springer, 2023. – P. 1–13. – DOI: 10.1007/978-3-031-69594-0_1.
9. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – Москва: Наука, 1977. – 320 с.
10. Paperno I. Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2009. – 285 p.
11. Қамзабекұлы Д. Алаш арқауы: зерттеу мақалалар. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2017. – 408 б.
12. Сакен С.И., Ауесбаева П.Т. Сбор, архивизация, текстология и пропаганда эпического цикла «Сорок крымских богатырей» // Keruen. – 2023. – Т. 81, № 4. – С. 60-74. – DOI: 10.53871/2078-8134.2023.4-04.

13. Bekpenbetova S., Ibrayeva Zh. Intertextuality in Modern Kazakh Prose: Enhancing Cultural Identity and Academic Success in Higher Education // *Journal of Ethnic and Cultural Studies*. – 2025. – Vol. 12, No. 1. – P. 62–85. – DOI: 10.29333/ejecs/2408.
14. Есембекова Д.М. Дулатов туындыларындағы лингвомәдени бірліктердің сипаты // ҚазҰУ хабаршысы. Филология сериясы. – 2011. – № 3 (133). – Б. 79-85.
15. Сандыбаева Н.А. Образ мира в языковом сознании представителей разных культур // ҚазҰУ хабаршысы. Филология сериясы. – 2005. – № 3. – С. 29-30.
16. Ананьева С.В., Ибраева Ж. Б., Жумсакабаев А. Т. Динамические и статические мотивы в повествовательной структуре романа Ильяс Есенберлина «Влюбленные» // *Вестник Евразийского гуманитарного института*. – 2025. – № 2. – С. 91-102. – DOI: 10.55808/1999-4214.2025-2.10.
17. Нурпеисов А. Последний долг: роман. – Алматы: Жазушы, 2000. – 336 с.
18. Исигуро К. Художник зыбкого мира: роман / пер. с англ. Е. Кузнецовой. – Москва: Эксмо, 2019. – 288 с.
19. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима модерна. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – 310 с.
20. Гаврилова Л.В., Ларина М.В. Мотив памяти и его трансформация в литературе советской и постсоветской действительности // *Сибирский филологический форум*. – 2022. – № 3 (20). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-pamyati-i-ego-transformatsiya-v-literature-sovetskoj-i-postsovetskoy-deystvitelnosti> (дата обращения: 20.11.25). DOI: 10.25146/2587-7844-2022-20-3-122.

References

1. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii: v 7 t. T. 5. Raboty 1940-kh – nachala 1960-kh godov* [Collected works in 7 vols. Vol. 5. Works of the 1940s – early 1960s]. – Moscow: Russkie slovari, 1996. – 732 p. (in Russian)
2. Ricoeur P. *Pamyat, istoriya, zabvenie* [Memory, history, forgetting]. – Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoi literatury, 2004. – 728 p. (in Russian)
3. Blanchot M. *L'écriture du désastre* [The writing of disaster]. – Paris: Gallimard, 1980. – 219 p. (in French)
4. Caruth C. *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. – 168 p.
5. Nora P. *Frantsiya – pamyat* [France – memory]. – Saint Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. – 333 p. (in Russian)
6. Eco U. *Rol chitatelya. Issledovaniya po semiotike tekstov* [The role of the reader: Studies in the semiotics of texts]. – Moscow: AST: CORPUS, 2016. – 640 p. (in Russian)
7. Lachmann R. *Pamyat i literatura. Intertekstualnost v russkoi literature XIX–XX vekov* [Memory and literature: Intertextuality in Russian literature of the 19th–20th centuries]. – Saint Petersburg: ID «Petropolis», 2011. – 400 p. (in Russian)
8. Bond L., Rapson J. Introduction: Literary Memory in the Present. In: *The Palgrave Handbook of Literary Memory Studies*. – Cham: Springer, 2023. – P. 1–13. DOI: 10.1007/978-3-031-69594-0_1.
9. Averintsev S.S. *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [Poetics of early Byzantine literature]. – Moscow: Nauka, 1977. – 320 p. (in Russian)
10. Paperno I. *Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams*. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2009. – 285 p.
11. Kamzabekuly D. *Alash arkaǵy: zertteu makalalar* [The core of Alash: research articles]. – Almaty: Qazaq entsiklopediyasy, 2017. – 408 p. (in Kazakh)
12. Saken S.I., Auesbayeva P.T. *Sbor, arhivizatsiya, tekstologiya i propaganda epicheskogo tsikla «Sorok krymskikh bogatyrei»* [Collection, archiving, textology and promotion of the epic cycle “Forty Crimean Bogatyrs”]. *Keruen*, 2023, 81(4). – P. 60-74. DOI: 10.53871/2078-8134.2023.4-04. (in Russian)

13. Bekpenbetova S., Ibrayeva Zh. Intertextuality in Modern Kazakh Prose: Enhancing Cultural Identity and Academic Success in Higher Education. *Journal of Ethnic and Cultural Studies*, 2025, 12(1). – P. 62–85. DOI: 10.29333/ejecs/2408.
14. Esembekova D.M. Dulatov tuyndylaryndagy lingvomadeni birlikterdin sipaty [The nature of linguocultural units in Dulatov's works]. *KazNU Bulletin. Philology series*, 2011, No. 3(133). – P. 79-85. (in Kazakh)
15. Sandybaeva N.A. Obraz mira v yazykovom soznanii predstavitelei raznykh kultur [The image of the world in the linguistic consciousness of representatives of different cultures]. *KazNU Bulletin. Philology series*, 2005, No. 3. – P. 29-30. (in Russian)
16. Ananyeva S.V., Ibrayeva Zh.B., Zhumsakbaev A.T. Dinamicheskie i staticheskie motivy v povestvovatelnoi strukture romana Ilyasa Esenberlina «Vlyublennye» [Dynamic and static motifs in the narrative structure of Ilyas Esenberlin's novel «The Lovers»]. *Bulletin of the Eurasian Humanitarian Institute*, 2025, No. 2. – P. 91–102. DOI: 10.55808/1999-4214.2025-2.10. (in Russian)
17. Nurpeisov A. Poslednii dolg [The last duty]. – Almaty: Zhazushy, 2000. – 336 p. (in Russian)
18. Ishiguro K. Khudozhnik zybkgogo mira [An artist of the floating world]. – Moscow: Eksmo, 2019. – 288 p. (in Russian)
19. Assmann A. Raspalas svyaz vremen? Vzlet i padenie temporalnogo rezhima moderna [Is the connection of times broken? Rise and fall of the temporal regime of modernity]. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. – 310 p. (in Russian)
20. Gavrilova L.V., Larina M.V. Motiv pamyati i ego transformatsiya v literature sovetskoi i postsovetskoi deistvitelnosti [The motif of memory and its transformation in Soviet and post-Soviet literature]. *Sibirskii filologicheskii forum*, 2022, No. 3(20). – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-pamyati-i-ego-transformatsiya-v-literature-sovetskoy-i-postsovetskoy-deystvitelnosti> (accessed 20.11.2025). DOI: 10.25146/2587-7844-2022-20-3-122. (in Russian)

Ж.Р. Муканова, Ж.Б. Ибраева*

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,
050010, Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Достық к-сі, 13
ORCID: 0000-0003-1487-5513
e-mail: igb1006@mail.ru

XX ҒАСЫР ӘДЕБИЕТІНДЕГІ ТРАГЕДИЯЛЫҚ ДИСКУРСТЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫНДАҒЫ ЖАДЫ МЕН ҰМЫТУ МОТИВТЕРІ: ТЕОРИЯЛЫҚ-ӘДЕБИ ТАЛДАУ

Аңдатпа. Мақалада XX ғасыр әдебиетінде трагедиялық мазмұнның қалыптасуына ықпал ететін екі маңызды ұғым – есте сақтау және ұмыту мотивтері – теориялық және әдеби тұрғыдан қарастырылады. Зерттеу М. Бахтиннің мәдени жады жөніндегі негізгі ойларына, сондай-ақ П. Рикёр, М. Бланшо және П. Нораның өткенді көркем мәтінде бейнелеуге қатысты кейбір тұжырымдарына сүйенеді. Есте сақтау мотиві шығармадағы уақыт пен кеңістіктің байланысын, композицияның бірлігін және оқиғаның құрылымын қалыптастыратын басты тәсіл ретінде түсіндіріледі. Ал ұмыту мотиві, керісінше, шығармада үзілістер мен мағыналық олқылықтар тудырып, трагедиялық әсерді күшейтетін көркемдік әдіс ретінде қарастырылады.

Талдаудың қолданбалы бөлігінде К. Исигуроның «Художник зыбкого мира» және А. Нұрпейісовтің «Соңғы парыз» романдары салыстырылады. Исигуро шығармасында жады оқиғаның бөлшектенуі мен әртүрлі нұсқалар арқылы көрінсе, Нұрпейісовте жады жоғалып бара жатқан әлемнің тұтастығын сақтап тұратын негізгі мотив ретінде беріледі. Екі авторда да есте сақтау мен ұмыту өзара байланысып, шығармадағы ішкі шиеленісті күшейтіп, трагедиялық мәнді қалыптастырады.

Бұл зерттеу жалпы шолу ретінде ұсынылып, XX ғасыр әдебиетіндегі трагедиялық поэтиканы әрі қарай талдауға арналған теориялық және әдістемелік негіз ұсынады.

Тірек сөздер: жады мотиві, ұмыту мотиві, трагедиялық дискурс, XX ғасыр прозасы, салыстырмалы әдебиеттану (компаративистика).

Zh.R. Mukanova, Zh.B. Ibrayeva*

Kazakh National Pedagogical University named after Abay,
050010, Republic of Kazakhstan, Almaty, 13 Doctyk street
ORCID: 0000-0003-1487-5513
e-mail: igb1006@mail.ru

THE POETICS OF MEMORY AND FORGETTING IN THE FORMATION OF TWENTIETH-CENTURY TRAGIC DISCOURSE: A THEORETICAL-LITERARY ANALYSIS

Abstract. The article examines the motifs of memory and forgetting as fundamental categories that shape the development of tragic discourse in twentieth-century literature. The analysis is grounded in Mikhail Bakhtin's concept of cultural memory and its structuring potential, as well as in selected theoretical insights of Paul Ricœur, Maurice Blanchot, and Pierre Nora, which illuminate the mechanisms of literary representation of the past. Memory is approached as a poetic principle that organizes narrative structure, establishes chronotopic coherence, and sustains the motif-based configuration of the text. Forgetting, conversely, is interpreted as an aesthetically conditioned strategy that produces narrative ruptures, semantic shifts, and zones of indeterminacy, thereby contributing to the emergence of the tragic dominant.

The practical section focuses on a comparative reading of Kazuo Ishiguro's *An Artist of the Floating World* and Abdizhamil Nurpeisov's *The Last Duty*. These novels demonstrate distinct ways of engaging with a disappearing past: Ishiguro foregrounds fragmented, variable, and often unstable recollections, while Nurpeisov constructs a persistent network of motifs that preserves the coherence of a lost cultural and spatial world. In both texts, the dynamic interplay between memory and forgetting generates internal narrative tension and operates as a central mechanism in producing tragic meaning.

The study is exploratory in nature and systematizes major theoretical approaches to these motifs, offering a methodological framework for further investigations into the poetics of the tragic within twentieth-century prose.

Keywords: memory motif, forgetting motif, tragic discourse, twentieth-century prose, comparative literature.

Сведения об авторах

Муканова Жазира Рсбаевна – докторант Казахского национального педагогического университета имени Абая, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: zhazira82MR@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3140-0258>

Ибраева Жанарка Бакибаевна – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор кафедры русского языка и литературы, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: igb1006@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1487-5513>

Авторлар туралы мәлімет

Муканова Жазира Рсбайқызы – Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің докторанты, Алматы, Қазақстан Республикасы, e-mail: zhazira82MR@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3140-0258>

Ибраева Жанарка Бақыбайқызы – филология ғылымдарының кандидаты, орыс тілі мен әдебиеті кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, e-mail: igb1006@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1487-5513>

Information about authors

Zhazira Mukanova – doctoral student of Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: zhazira82MR@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3140-0258>

Zhanarka Ibrayeva – Candidate of Philology Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: igb1006@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1487-5513>

*Поступила в редакцию 31.10.2025
Принята к публикации 22.12.2025*